

286
В26817

И. И. УЛЬЯНОВЪ

А. Кутузовъ
1915.

ОБРЯДОВЫЯ ПРИЧИТАНІЯ

ПРИ ПРОВОДАХЪ

СОЛДАТЪ НА ВОЙНУ

(ПО ЗАПИСЯМЪ И ЛИЧНЫМЪ НАБЛЮДЕНІЯМЪ)

ПЕТРОГРАДЪ
1915

Н

В26 817

И. И. Ульяновъ

ОБРЯДОВЫЯ ПРИЧИТАНІЯ

ПРИ ПРОВОДАХЪ

СОЛДАТЪ НА ВОЙНУ

(ПО ЗАПИСЯМЪ И ЛИЧНЫМЪ НАБЛЮДЕНІЯМЪ)

ПЕТРОГРАДЪ
1915

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

790768 V

Тип. Т-ба А. С. Суворина — „Новое Время“. Эртелевъ, 13

Въ сознаниі русскаго народа, находящагося въ безпримѣрной мировой войнѣ, ярко свѣтится, какъ въ былые вѣка, изумительный образъ нашего солдата—неустрашимаго и непобѣдимаго. Хотя сила, храбрость и выносливость русскаго солдата въ борьбѣ за свою Отчизну, Царя и Вѣру давно извѣстны міру,—но то, что мы видимъ теперь, трудно выразить словами: не знаешь, чему больше удивляться—его ли мощности, которая, кажется, горы сдвигаетъ съ основанія; безпредѣльной ли готовности принести себя въ жертву для блага родины, или героизму его сердца, соединенному съ жаждою подвига и сознаниемъ моральнаго долга,—все въ нынѣшнемъ солдатѣ изумительно.

Невольно возникаетъ вопросъ, что же это—случайное, проходящее явленіе, вызванное совокупностью условій современной войны съ врагомъ, поправшимъ всѣ божескіе и человѣческіе законы;—или же исключительный героизмъ русскаго солдата, явленіе не случайное, не поверхностное, а глубоко лежащее въ бытѣ и духѣ русскаго народа?

Для частичнаго разрѣшенія поставленнаго вопроса обратимся къ обрядовымъ причитаніямъ, еще раздающимся съ древнѣйшихъ временъ и до нашихъ дней въ нѣкоторыхъ уголкахъ русскихъ сѣверныхъ губерній.

Причитанія эти—заунывные, монотонные, речитативные плачи-пѣснопѣнія, въ которыхъ непосредственно изливаются народныя думы и ощущенія при разставаніи съ близкими сердцу, можно слышать въ русскихъ сѣверныхъ деревняхъ, напр., при выдачѣ

замужь дѣвушки (свадебныя причитанія), при похоронахъ (похоронныя причитанія), при отправленіи рекрутовъ на службу и солдатъ на войну (плачи рекрутскіе, солдатскіе). Начало причитаній можно отнести еще къ тому далекому времени, когда человѣкъ впервые почувствовалъ нравственныя привязанности. Въ причитаніяхъ отражается не только многогранная душа народа въ томъ или иномъ переживаніи, но уясняется также его бытъ, вѣрованія, искусство, языкъ. Поэтому названные памятники народнаго творчества должны быть отнесены къ цѣннѣйшему матеріалу для пониманія внутренней исторіи народа.

Въ обрядовыхъ причитаніяхъ при проводахъ солдатъ на войну, кромѣ этихъ элементовъ, общихъ всѣмъ причитаніямъ, особенно ярко обрисовываются качества нашего непобѣдимаго солдата, а также душевный складъ и глубочайшая сердечность русской женщины, давшей міру чудо-богатырей.

Авторъ настоящихъ строкъ записывалъ обрядовыя причитанія отдѣльными отрывками въ разныхъ мѣстностяхъ русскаго сѣвера, преимущественно въ земледѣльческихъ уѣздахъ Пермской губ. Записи велись частью со словъ старушекъ-причитальщицъ, частью при непосредственномъ наблюденіи всего происходящаго въ дни проводовъ солдатъ на войну.

На основаніи этихъ записей мы даемъ рядъ послѣдовательныхъ картинъ, расположенныхъ согласно особому, еще кое-гдѣ хранящемуся, древнему уставу обрядовъ.

Обрядовыя причитанія совершаются наканунѣ отъѣзда солдатъ на войну. На весь этотъ день обыкновенно приглашается въ домъ родителей солдата особая старушка-причитальщица (она же во пленница), какъ лучшая истолковательница думъ и чувствъ народныхъ и хранительница преданій и завѣтовъ глубокой старины. Старушка должна хорошо знать порядокъ проводовъ и соответствующіе обряды и причитанія. Она то причитаетъ сама, то иногда подсказываетъ слова причитаній другимъ плачущимъ женщинамъ. Унаслѣдованные отъ глубокой старины

эпическіе формы и приемы причитаніи даютъ возможность плачущимъ излагать свои мысли размѣренной стихотворной рѣчью. И это нисколько не ослабляетъ ни искренности, ни глубины настроенія при отправленіи солдатъ на войну.

Итакъ, съ какими же думами и чувствами и въ какой обстановкѣ солдатъ и его близкіе проводятъ послѣдній день?

Съ Божьимъ именемъ на устахъ встаетъ солдатъ съ постели въ этотъ день; умывается, одѣвается и становится на молитву предъ образами. Дольше обыкновеннаго молится онъ въ послѣднее утро: послѣ обычныхъ молитвъ, проситъ въ особой *своей* молитвѣ Бога и святыхъ его благословить на войну:

«Послужить Царю—всероссійскому.

Постоять за вѣру христьянскую,

Защищать нашу Русь подселенную»;—

а также проситъ Бога и о томъ, чтобы Онъ сохранилъ его отъ напрасной смерти и возвратилъ на свою родимую сторону— на поля хлѣбородныя, на луги зеленые, воскормителемъ своихъ родителей и малыхъ дѣтушекъ. Послѣ молитвы солдатъ бываетъ занятъ кое-какими хлопотами по дому и сбору необходимыхъ для дороги вещей; затѣмъ отправляется въ особо приготовленную для него «баню-парную». Здѣсь, до его прихода, старушкою-знахаркою заговорены и заграждены силою креста: и вода, и паръ, и вѣникъ, и мыло—все, съ чѣмъ соприкасается солдатъ при умываніи. Паръ и живительная сила воды должны смыть съ него—«уроки и нризоры, великую кручину, печаль и скуку»— по женѣ, дѣтямъ, родителямъ, братьямъ, сестрамъ, друзьямъ,— по всему роду-племени и по родимой сторонукѣ.

Послѣ обрядовой бани,—солдата, наряженнаго въ лучшую одежду, сажаютъ за столъ чай пить и завтракать въ кругу своихъ родныхъ и близкихъ лицъ. Подаютъ рюмку вина съ наговоромъ освободиться—«отъ всякихъ золь и напастей, отъ горя горячаго, отъ болѣзней, ранъ и напрасной смерти».

Въ это время начинаются причитанія матери, «неизмѣнной горюшицы» о дѣтяхъ своихъ до гробовой доски. Слезы едва даютъ произносить слова:

«Станьте очи, да не мутитесь,
Мои слезы да не бѣгите,
Лицо бѣло да не мочите...
Ужъ я рада бы укрѣпилась,
Ужъ я рада бѣ установилась;
Какъ болить мое сердечушко,
Какъ кипить да кровь горячая
О своемъ то родномъ дитяткѣ»...

На причитанія матери откликаются причитаніями почти всѣ присутствующія въ домѣ женщины, причитаютъ: жена, тетка, сестры. Въ слезахъ женщины рассказываютъ про солдата, — «какъ любили его и хвалили», что безъ него тяжело будетъ женѣ, матери, всѣмъ въ домѣ; остаются малыя дѣти, заброшены будутъ поля, покосы и т. п. — «разны цвѣтики поблекнутъ, вѣдь», «деревца въ саду посохнутъ, вѣдь», «травушка приклонится»; хвалятъ его качества физическія и нравственныя («лицо бѣлое», «очи ясныя», «ростомъ росляный», «красотой красивый»; «былъ кроткій и смирѣный», «говорилъ—не мѣшался» и т. п.).

Во время причитаній солдатъ уговариваетъ женщинъ не плакать; ласкаетъ своихъ дѣтей, обѣщая скоро возвратиться домой.

Но вотъ раздаются слова старушки-причитальщицы. Она, — въ противовѣсъ родственницамъ, которыя вносятъ въ свои причеты много личнаго элемента, — сожалѣнія, горя и внутренней тоски при разставаніи съ солдатомъ, — объясняетъ присутствующимъ великую цѣль призванія солдатъ на войну, и тѣмъ на время останавливаетъ причитанія о личномъ горѣ.

«Ужъ какъ въ нынѣшнюю полу-времячко
Сочинилась, да объявилася
Служба грозная Государева.
Взволновался и ополчается

Непріятель на Русь православную,
 На Царя—бога на російскаго,
 На Царицу мать милосердную,
 На наслѣдство все правовѣрное»...

Обращаясь далѣе къ самому солдату, старушка говоритъ:
 «ты послужишь да вѣрой-правдою Государю да Царю Бѣлому,
 ты спасать будешь Русь православную».

Весьма характерно, что старушка-причитальщица, эта народная жрица-хранительница преданій и завѣтовъ отеческихъ, называетъ русскаго Монарха «Царемъ—богомъ російскимъ», а Царицу «матерью милосердной». Во многихъ причитаніяхъ сѣвера, гдѣ упоминается русская царская чета, она всегда мыслится съ святѣйшими движеніями добра, правды и милости. Русскій народъ олицетворилъ въ своемъ царѣ, какъ въ былое время въ своихъ любимыхъ богатыряхъ, стоявшихъ на стражѣ Руси и сражавшихся съ ея врагами, всѣ свои нравственныя качества, а въ матери-царицѣ—драгоценнѣйшее качество своихъ женщинъ «милосердіе», столь ярко сіяющее въ вѣнцѣ добродѣтелей русской женщины.

Около полдня солдату подаютъ лошадей—ѣхать въ церковь служить молебенъ, и затѣмъ прощаться съ родственниками. При выѣздѣ изъ ограды слышны голоса:

«Помолись Спасу—Свѣту Всевышнему
 И Покровъ—Пресвятой Богородицѣ;
 Ты простишь-ко съ своимъ родомъ-племенемъ
 И со всѣми людьми православными».

Послѣ молебна въ церкви и напутствія священника, съ желаніемъ «обратнаго пути», друзья и близкія къ солдату лица дѣлаютъ съ нимъ нѣсколько круговъ на лошадяхъ по селу и поютъ разныя унылыя пѣсни, содержаніе которыхъ касается больше того,—что «можетъ мѣткая винтовка изъ-за куста сразить его, прольется кровь его горяча текучимъ быстрымъ ручейкомъ».

Затѣмъ солдатъ заѣзжаетъ прощаться въ дома своихъ родственниковъ. Тамъ его угощаютъ, дѣлаютъ разные подарки и благословляютъ въ путь. Женщины обыкновенно причитаютъ, называя солдата нѣжными именами:—«голубочекъ да ровно сизый лебедочекъ да ровно бѣлый», «ясень соколь златокрылый»; когда же онъ входитъ въ избу, въ ней—«будто бѣлый свѣтъ поразсвѣтился, возсіяли да часты звѣздочки». Прощаясь «съ солдатушкомъ походнымъ», во всѣхъ домахъ просятъ его служить вѣрой-правдою Государю да Царю Бѣлому:

«Тебѣ служба да будетъ легкою,
Тебя Богъ-отъ да будетъ миловать,
Государь-отъ да будетъ жаловать,
Добры люди стануть завидовать».

Когда солдатъ объѣдетъ всю свою родню и близкихъ людей, онъ еще нѣсколько разъ проѣзжаетъ по деревнѣ, прощаясь со своей родимой стороной. Его мысли передаются въ особыхъ причитаніяхъ-пѣсняхъ:

«Прости Божья церква посвященная,
Вы простите, отцы да духовные,
Вы въ молитвахъ меня вспомните-ко...
Ты прости, усадьба красовитая,
Всѣ деревья да садовитыя.
Ты прости, село деревенское
И всѣ улицы да рядовыя,
Всѣ сосѣдушки спорядовыя».

Затѣмъ прощается со всѣми односельчанами—со старушками «стародревними», съ молодцами и дѣвками красными, со вдовушками побѣдными, съ малыми дѣтками-неразумными и со всѣми друзьями-приятелями. Наконецъ, мысль его останавливается на землѣ-кормилицѣ, на поляхъ и лугахъ, съ которыми такъ тѣсно связана его земледѣльческая жизнь:

«Вы простите, луга сѣнокосные,
Вы простите, поля хлѣбородные,

Темны лѣсушки да дремучіе,
Рѣки быстрыя, омутистыя,—
Ты прости, вся родная сторонушка»...

Время идетъ къ вечеру. Товарищи солдата направляютъ его лошадей къ родному дому, гдѣ ему готовятъ уже такъ называемый «печальный пирь».

Пока солдатъ объѣзжалъ дома своей родни и довольно долгое время прощался съ всѣмъ родомъ-племенемъ,—въ его домѣ совершались особыя обрядовыя причитанія-оплакиванія солдата, какъ уже отсутствующаго, давно уѣхавшаго на войну.

Старушка-причитальница рисуесть, какъ сражаются и умираютъ за отчизну наши воины:

«Далеко отъ родимой сторонушки,—за морями за глубокими, за горами за высокими, за великими лѣсами дремучими страждутъ наши солдатушки,—служать за Русь подселенную, сберегаютъ Царя благовѣрнаго. Погода ли тамъ непомѣрная, или буйные вѣтрушки дуютъ во блеклое бѣлое личушко,— все равно всѣ на стражѣ стоятъ день до вечера, съ оружьями да заряженными, со штыками и саблями острыми. Воевать идутъ съ непріателемъ—Богу Господу всѣ помолятся, другъ съ другомъ прощаются, съ бѣлымъ свѣтомъ расставаются, во тяжкихъ грѣхахъ спускаются. И какъ брякнуть оружіемъ военнымъ—шаги дѣлаютъ по звѣриному, гдѣ нѣтъ пути-дороги — тамъ протариваютъ, чрезъ мхи, да болота—орломъ летятъ. И взговорятъ они таково слово: спаси, Боже, Русь подселенную, спаси намъ Царя благовѣрнаго, спаси намъ Царицу милосердную; Ты, Покровъ-Пресвятая Богородица, Ты покрой нашу Родину-Матушку. Въ превеликихъ сраженьяхъ солдатскихъ темны лѣса къ землѣ приклоняются, люты звѣри въ страстяхъ разбѣгаются, съ переполоху птиченьки падаютъ; сами ходятъ они по колѣнъ въ крови, плаваютъ на плотахъ-тѣлахъ; туды-сюды кровь разливается, солдатское сердце разгорается; гдѣ одна нога упала, другая стоить, тутъ одна рука не можетъ, другая палить; гдѣ пулей

неимуть, тамъ грудью берутъ, гдѣ грудь не беретъ, Богу душу отдають. А умершихъ солдатушекъ душеньки поднимаются къ красному солнышку и ко свѣтлому ясному мѣсяцу, ко Божьимъ звѣздамъ подвосточнымъ, тамъ во облакахъ може сходятся, може съ ду-другомъ встрѣчаются; тѣло бѣлое ихъ мать-сыра земля беретъ на житье-бытье вѣковѣчное. И надъ павшими въ бою солдатами со высокихъ горъ камни скатилися, темный лѣсъ къ зени преклоняется и никнетъ трава отъ жалости, сожалѣють лѣса дремучіе и зеленяя травы муравья тѣхъ безсчастныхъ солдатушекъ. А живые ихъ братья-товарищи приустануть они, призамаются ли, нѣтъ ли подушки на питьемице, нѣтъ ли хлѣбушка на ѣденице, нѣтъ покоя ли темной ноченькой — все идутъ, на злодія врага все наступаютъ, далеко супостата проганиваютъ. Пособи, Пресвятая Богородица, побѣдить всѣхъ враговъ супостатныхъ. И сраженіе-война уходилось бы; да поразнесетъ дымъ по чистымъ полямъ, горестъ-чадъ по лугамъ по зеленымъ. Пусть солдаты узрятъ красно солнышко, отдохнутъ во зеленой дубровушкѣ. И дождались бы мы горькобѣдныя, да мы пахарей на чисты поля, сѣнокосцевъ на луга зеленые, рыболововъ на быстрыя рѣченьки, большаковъ по дому-настоятелей, вскармителей малымъ дѣтушкамъ»...

Содержаніе этой проникновенной причеты мы привели лишь въ общихъ чертахъ, придерживаясь размѣра стиховъ.

Изумительныя по своей силѣ и непосредственной живости слова старушки-причитальщицы переносятъ воображеніе другихъ плачущихъ женщинъ «въ края дальніе, земли незнакомыя», всѣ начинаютъ чувствовать близость опасности на поляхъ сраженія, возможную потерю близкаго человѣка, и невольно начинаютъ оплакивать солдата, какъ живого мертвеца; особенно ярко выступаютъ личныя привязанности къ любимому.

Мать въ горячихъ слезахъ проситъ свою дочь, бѣлую лебѣдушку, найти писарьковъ хитромудрыхъ и скорѣе списать бѣлое лицо и солдатскія очи ясныя на гербовую бумагу; схо-

дять посмотрѣть,—въ сохранности ли его забритые волосы, одежда, обувь; когда не будетъ его, онѣ стануть смотрѣть на все это, плакать и молиться.

У жены солдата

«Рвучи рветъ ея сердечушко.
Разумъ-умъ въ головѣ мѣшается,
И всѣ мысли врозь разбѣгаются.
Текутъ слезы да изъ ясныхъ очей»...

Ее пугаютъ—одиночество, бѣдность съ дѣтьми, возможная обида отъ домашнихъ; а вѣдь дѣтушки малѣшеньки, «ровно бѣлочки въ глаза поглядываютъ».

«Горегорькая моя молодость,
Я куда бѣдна подѣваюся,
Со своими дѣтьми сердечными,—
Ровно загнанный сѣрый зайшко,
Въ сѣтки пойманный горносталюшко»...

Ей безъ любимаго мужа «жизнь—не въ жизнь»: она лучше

«Во быстрой рѣкѣ утонула бы,
Во темныхъ лѣсахъ заблудилась бы,
Во болотахъ да провалилась бы»...

Мысли безнадежно тоскующей женщины направляются, наконецъ, къ Церкви Божіей, къ этой неизмѣнной пристани для скорбящей души народной. Она живо чувствуетъ, какъ «кручина утишается и головушка взвеселяется». Проясненное воображеніе (при помощи излюбленныхъ приемовъ эпического стиха) рисуетъ, какъ она

«во сыромъ бору будетъ подавать «жизный голосъ свой» на чужую дальнюю сторону въ города во дальные, украиные, во полки во солдатскіе, а кукушечка-горюшица передастъ тоску ея милому ладушѣ. Она будетъ просить красное солнышко освѣтить и обогрѣть друга милого и передать отъ нея низкое челобитьице; попроситъ и рѣку быструю снести ему поклонъ, а съ буйными вѣтрами, старыми ходатаями, она пошлетъ письмо, написанное

не чернилами, а горячими слезами, и скажетъ ему, милой ладупѣ, что живетъ она «потихе воды быстрыя», «повѣсила буйну голову, да потушила очи ясныя ко матушкѣ ко сырой землѣ».

Въ причитаніяхъ другихъ женщинъ высказывается живое сочувствіе семейному горю близкихъ солдата, въ особенности горю жены: высказываются мысли о неносильномъ трудѣ при воспитаніи ребятишекъ, объ искушеніяхъ, опасныхъ для жизни и чести молодой женщины; указываются радости семейной жизни, когда жена замужемъ, то она — «какъ за стѣною городовой»; причитальщицы вспоминаютъ, какъ супругамъ вездѣ были честь и мѣсто въ большомъ углу, за столами дубовыми:

«На нихъ людшки любовались,
Черны вороны съ поля не граяли,
Небылицъ-басней да не баяли...».

А теперь случилась невзгода, «разлука съ надежной державушкой», «рѣзвы ноженьки подгибаются и слѣдочки отъ слезъ заплываются».

Причитанія прерываются на время при появленіи солдата съ товарищами у воротъ дома, послѣ объѣзда имъ родственниковъ и прощанія со своимъ селомъ.

Навстрѣчу пріѣхавшимъ выходятъ всѣ изъ дому. Мать и жена съ дѣтьми кидаются на шею солдату и съ горючими слезами входятъ съ нимъ въ домъ. Здѣсь, послѣ краткой молитвы, усаживаютъ солдата за столъ, уставленный всякими угощеніями (пирогои, холодное, щи, жаркія), «яствами сахарными, питіями пьяными». Старушка выпричитываетъ:

«Ты садись-ко, мило дитятко, ты подѣ правое подѣ крылышко своего родима батюшки, ты подѣ лѣвое садись крылышко своей родимой матушки; садись со всѣмъ родомъ-племенемъ и со всѣми людьми православными».

Рядомъ съ отцомъ сидятъ: крестный, дяди, братья и др. мужская родня. Въ сторону матери усаживаются: жена, тетки, сестры.

Начинается столованіе—«печальный пиръ» со всякими благопожеланіями (одолѣть врага, сохранить жизнь, возвратиться въ добромъ здоровьѣ домой и т. п.). Мать, жена и другія близкія женщины тихо плачутъ. Пиръ сопровождается разными застольными пѣснями—про подчерченую (предназначенную на срубъ) березыньку, съ которою сравнивается солдатъ; про сокола яснаго, слетающаго съ гнѣзда; про лодочку на синемъ морѣ.

По окончаніи столованія снова раздаются громкія причитанія жены, матери, сестеръ и др. родни.

«Ужъ ты, милая моя ладуша,
Снаряжаешься, сподобляешься,
Ты во путь да во дороженьку,
Оставляешь меня горе-горькую...»—

причитаетъ жена. Въ дальнѣйшихъ словахъ она вспоминаетъ, какъ они вмѣстѣ работали, думали крѣпкую думу, говорили тайны словечушки, какъ сидѣли на камушкахъ, подъ шумящими деревцами... Теперь все это минуло. Остается горе. Не лучше ли прикоротать жизнь свою, думаетъ она вслухъ; но жаль покинуть малыхъ дѣтушекъ. Не пойти ли въ лѣса дремучіе, во болота зыбучіе? Но тамъ деревья шатаются, воютъ звѣри, птички жалобно поютъ, — нѣтъ, тамъ кручина ея не уходится. Не встать ли на горы высокія, и смотрѣть на солнышко, но оно сокроется въ туманѣ и не согрѣетъ ея сердца. Пойти къ синему морюшку, но тамъ круто бѣетъ волна, вода мутится съ пескомъ и тамъ сердце ея не утѣшится... Мысль останавливается на церкви Божіей и Богородицѣ—«Утоли моя печаль».

Одновременно причитаетъ и мать, называя своего сына «болью болючей, кровью кипучей».

«Охти мнѣ, горькой, тошнѣхонько,—
Не поля ли кручины посѣяно,
Не озера ли слезъ ужъ поронено?»...

въ дальнѣйшихъ словахъ проситъ свои очи «въ запасъ» наглядѣться на своего сердечнаго дитятка.

Сестры, тетки и другія женщины высказываютъ сожалѣнiе, что «разстанюшки проходятъ»,

«что вмѣстѣ отходили да отгуляли, по лужечкамъ да по зеленымъ, отпѣли да баски пѣсенки—заунывныя, проголосныя, луговыя и плясовскія»..., что теперь на встрѣчахъ не встрѣтятся и по дорожкѣ не съѣхаться; развѣ только увидятъ его «во снѣ во грядущемъ». Въ заключение усердно просятъ отъ всего рода-племени — «писать письма-грамотки и словесныя челобитьца»...

Плачущимъ напоминаютъ, что пора солдату собираться въ путь.

Старушка-причитальщица, обращаясь къ солдату, проситъ его благословиться:

«Ты проси-ко себѣ благословеньице:

Ты у батюшки, ты у матушки,

У всего то да роду-племени»...

и далѣе продолжаетъ, что это благословенье изъ снѣга моря вынесетъ, изъ темна лѣса выведетъ, отъ огня спасетъ палящаго. Въ заключительныхъ словахъ старушка проситъ солдата служить вѣрой-правдою Государю да Царю бѣлому.

Настаютъ торжественныя минуты благословенiя солдата на войну. Отъ передняго угла отодвигаютъ столы; предъ иконами зажигаютъ свѣчи и все молятся. Солдатъ стоитъ впереди. Послѣ колѣнопреклоненной молитвы, онъ падаетъ въ ноги отцу и проситъ великаго благословенiя на чужую дальнюю сторону, на службу Государеву. Отецъ «градить» сына три раза иконою и хлѣбомъ (этотъ хлѣбъ разрѣжутъ на сухари и отправятъ съ солдатомъ въ путь) и проситъ Господа, чтобы Онъ сохранилъ и помиловалъ на сраженiи великомъ, отъ копьевъ-птыковъ вострыхъ, отъ огня «палящаго» и пули летящей, и далъ бы обратный путь; цѣлуются. Затѣмъ такимъ же образомъ благо-

ставляетъ солдата мать;—она усердно проситъ Бога и особенно «Миколу угодника» сохранить сына въ живыхъ, сберечь его отъ непріятеля, отъ ружья военнаго, искры трескучей, «отъ огня отъ плящаго»; пусть онъ, Микола, впереди щитомъ беретъ, позади мечомъ сбьетъ, а посторонь огнемъ палить.

Послѣ отца съ матерью солдата благословляютъ (только уже безъ иконы и клѣба) родственники и все старшіе въ родѣ, съ пожеланіемъ сохраненія здоровья и возвращенія «въ обратный путь». Наконецъ, солдатъ дѣлаетъ всеѣмъ общій поклонъ и выходитъ изъ дому, поддерживаемый за руки друзьями. Около передняго угла дома останавливается, кланяется въ землю и мысленно приглашаетъ идти съ собою въ путь добрыхъ духовъ, живущихъ въ домѣ. Затѣмъ любовнымъ и грустнымъ взоромъ обводя дворъ и домашнія пристройки, солдатъ прощается со всеѣмъ крестьянскимъ хозяйствомъ; идетъ «въ пригоны» къ скотинѣ, прощается и съ нею; любимой же лошади падаетъ въ ноги и цѣлуетъ ее.

Всеѣмъ кажется, что весь домъ принимаетъ участіе въ скорби прощанія: «пруиныли хоромы крестьянскія», «во слезахъ стоятъ стекольчаты околени», «пріутуплены очи у скотинушки»...

Въ оградѣ дома раздается хоровое пѣніе: «какъ не бѣлая береза нагибается, съ отцомъ, съ матерью сыночекъ да прощается, какъ въ безвѣстную сторонку снаряжается»... «не ясенъ соколъ со гнѣздышка слетаетъ, молодой солдатъ изъ дому выѣзжаетъ»...

Солдата усаживаютъ. Тяжелая минута; мать и жена хватаются за руки и опояску солдата и слезно причитаютъ, едва выговаривая отрывочныя слова,—«на кого ты насъ оставляешь, на кого насъ покидаешь», «ошибаетъ горе великое», «замутились очи ясныя», «закипѣла кровь горячая» и т. п. Все женщины плачутъ и садиться солдату на лошадей не даютъ. Приходится пройти, въ особой процессіи, за околицу: впереди несутъ фонари (такъ какъ уже темно), солдатъ идетъ (поддер-

живаемый подъ руки товарищами) съ матерью и женой, держащимися за его руки, плечи или опояску. За ними идетъ хоръ пѣсенниковъ, заглушающій рыданія женщинъ, далѣе—весь родъ-племя; лошадей ведутъ позади. Поютъ:

«Вы не плачьте наши матери родныя,
 Не тужите бѣдны жоны молодыя;
 Не пройти же по бѣлу свѣту за нами,
 Не смочить вамъ мать-сыру землю слезами,
 Не наполнить сине-море горячими»...

Со словами пѣсни осторожно освобождаютъ солдата отъ плачущихъ женщинъ, усаживаютъ и быстро погоняютъ лошадей.

Вотъ та атмосфера, тотъ строй мыслей, чувствъ и настроеній, съ которыми русский солдатъ сроднился съ дѣтства,—и теперь идетъ съ ними на войну изъ своей стороны, отъ своего рода-племени. Родное гнѣздо воспитывало его по завѣтамъ отцевъ въ сыновней преданности «Руси-подселенной», храбримъ и стойкимъ въ сраженіи и отпускаетъ на войну въ непоколебимомъ убѣжденіи, что такой воинъ вѣрою и правдою будетъ служить и стоять—«за вѣру христіанскую», «за Царя благовѣрнаго», «Царицу милосердную» и «все наслѣдство правовѣрное».

Храбрость и сила нашихъ чудо-богатырей—явленіе не временное, преходящее, а постоянное, органическое, и, какъ съ достаточной убѣдительностью показали записанные нами матеріалы,—явленіе, лежащее въ природѣ русскаго человѣка, въ духовныхъ его навыкахъ, которые гораздо устойчивѣе навыковъ физическихъ.

3

Цѣна 10 коп.